

УДК 811.512.1

СУФИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЭТИКИ ХАТАИ

Бадалов Ш.

*Институт литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Азербайджанская классическая литература по своему мистическому и религиозно-философскому содержанию, будучи системой художественно-поэтического сознания, обращает на себя внимание историческими традиционными чертами в контексте общевосточной литературы. Прежде всего, после воздействия религиозно-исламских ценностей на литературу синтезированными отображениями этот художественный нравственный принцип смог превратиться в главный лейтмотив идейно-эстетического содержания литературы диванов. Необходимо принять во внимание, что суфизм и суфийские взгляды, распространяясь, конкретно с середины восьмого века обрели свое поэтическое содержание. Автор отмечает, что суфийские принципы в поэтике Хатаи распространяясь не только из отображений художественного сознания поэта, вместе с тем, его мистико-философского мировоззрения, должны подчиняться возникшей из мудрой духовности суфийского содержания в нашей классической литературе одной из самых уникальных поэтических художественных систем.

Ключевые слова: суфизм, суфийская литература

Постановка проблемы. Азербайджанская классическая литература по своему мистическому и религиозно-философскому содержанию, будучи системой художественно-поэтического сознания, обращает на себя внимание историческими традиционными чертами в контексте общевосточной литературы. Прежде всего, после воздействия религиозно-исламских ценностей на литературу синтезированными отображениями этот художественный нравственный принцип смог превратиться в главный лейтмотив идейно-эстетического содержания литературы диванов. Необходимо отметить, что дающие толчок более обширному распространению и стимулирующей динамике этого процесса сектантские идеи стало обретение общественного содержания. Необходимо принять во внимание, что суфизм и суфийские взгляды, распространяясь, конкретно с середины восьмого века обрели свое поэтическое содержание. Будучи первым исследователем конкретно этого исторического периода Абуль Аттахия, в своей работе «аз-Зухдия» («*az – Zühidiyyə*»), в одном из стихотворения дивана, удовлетворившись куском хлеба с водой, предпочитал уединению в уголке жизни в роскошном дворце. Если обратить внимание, то не только в стихотворениях Хатаи суфийского содержания, но и в творческих образцах жизненного и дидактического содержания равнодушие именно к мирским благам проявляет себя в этом логическом контексте.

В азербайджанской классической литературе в этом контексте более всего внимания привлекает к себе внимания художественное наследие Шаха Исмаила Хатаи. Можно сказать, что распространение и динамика и общественного, и также суфизм поэтического мышления образа насиминской эпохи художественно-поэтическим своим содержанием обрела широкую арену в эпоху Хатаи. Необходимо принять во внимание, беспощадность против сектанства в период Темуридов уже в эпоху Сефевидов приобрела указанные льготные обрядовые права и традиции. В этом смыс-

ле, в газелях Хатаи привлекает внимание и настоящие подробности перехода к суфизму :

*Açarım dini – Məhəmməd, məzhəbi – Cəfər yaqin,
La fəta illa Əli, bu sirri – pünhan məndədir.
... Çün Xətayiyəm şahın vəsfiniy daim söylərəm,
Eşqilə bel bağlaram, dəftərlə divan məndədir [1, 88-89].*

Так, во времена Имама Джафара Садига первые суфисты, подняв положения, дающие основание суфийскому мировоззрению, сумели продемонстрировать устойчивость в представлении новой для своего времени науки. В этом контексте выделяющийся в азербайджанском суфизмоведении своеобразной манерой исследования ученый-исследователь Ф.Баят пишет: «Постепенно аскетизм превратился в образ жизни, в философское течение. Постепенно под руководством Имама Джафара Садига группа мусульман поставили перед собой цель подготовить философскую основу Ислама. Они создали теоретическую базу своих инструкций, терминологический аппарат. Однако это еще не суфизм в истинном смысле этого слова, начало пути, ведущего к суфизму, или же первая стадия перехода от бытия к суфизму... Первые суфии готовили философскую базу со знанием, практической деятельностью. Эта подготовка уже в IX веке дала таких классиков-суфиев как Баязид Бистами, Джунейд Багдади, Халладж Мансур» [2, 24-25].

В творчестве Хатаи суфийские ценности этого мировоззрения - мудрость, составляя главный лейтмотив поэтического распространения, могут превратиться в объект воспевания элитарного философского образа мышления эпохи, что является чертой, встречающейся лишь у малой части поэтов. В этом смысле в приведенном нами делении образная характеристика в гошма Хатаи представления Баязида Бистами как классического суфия сообщает о силе Хатаи как суфийского поэта:

*Sil – süpür qəlbini, süddən bəyaz et,
Öldür nəfsini, şeytandan arıt,
Dxsan doqquz yerə çıxdı Bəyazid,
Halına münasib yeri bulunca [3, 18].
(Мети душу свою, сделай чище молока,
Убей искушение, от дьявола очисти,
В девяносто девять мест вышел Баязид,
Пока не нашел места, достойного себя)*

В этом смысле предполагать отображение характеристики основного лейтмотива поэзии Хатаи не случайно или же из литературы диванов своего времени, а именно, будучи сектантским поэтом, из содержания суфийских взглядов может получить аналитическое подтверждение более оптимальной научной гипотезы. Суфийские оттенки поэтики Хатаи секты, к которой принадлежал поэт, вытекают из историко-эпохального окружения элитарного религиозно-философского содержания. Необходимо принять во внимание, кызылбашество будучи сектой, несмотря связь с сектой имамства, сформировалась на базе шиитской этики и обладало широкой географией масштаба охвата:

*Şahi həq deyübən girdik bu yola,
Hüseyniyüz, bu gün dövrümüzdir.*

*Biz imam qullarıyüz sadıqana,
Şəhidlik, qazilik nişanımızdır.
Yolumuz incədir, incədən incə,
Bu yolda baş vermək ərkanımızdır [1, 83].
Сказав истина вступили на путь этот,
Мы Гусейны, сегодня наш день.
Мы имама рабы верные,
Шехидство наше призвание.
Дорога наша нежна, нежнее нежного,
Сложит головы на этом пути цель наша)*

Художественная логика в образце, прежде всего, опирается на шехидство, а это в большей степени обращает на себя внимание порождением шехидского познания от традиций Кербелы, образа мудрого сознания по свойствам от суфийский слоев. Суфийские мотивы творчества Хатаи характеризуются логикой убеждения и осознания степени мудрости.

Необходимо отметить, что система эпитетов и символов суфийской литературы проявляется из внутренней динамики суфийской семантики. В этом смысле газели Хатаи могут отобразить с большим мастерством поэтизм мистико-философских доктрин суфийской поэзии, а также литературы дивана:

*Bu Xətayi şeirinə eyb etmə, ey nakəs həsud,
Cümlə üşşaq əhlinə həmdəm, onun divanıdır [1, 123].*

*(Эй никчемный, не ищи изъяна в стихах Хатаи,
Всем поэтам его диван стал собеседником)*

*Ey Xətayi, özünü hak edə gör, pak olasan,
Mənlik etmə ki, sahan əhlinə ürfan doludur [1, 151].*

*(Эй Хатаи, став землей, ты очистишься,
Не будь самовлюбленным, в мире много познавших истину)*

Являясь одним из первых исследователей, привлечших суфийское содержание творчества Хатаи к научному анализу, Ф.Кёрпюлю повествуя о характерных особенностях суфийской сущности в произведениях поэта, пишет: «Шах Исмаил, как и Насими и Хабиби, был хуруфи; создал для тюрков многие стихотворения суфийского и любовного содержания, составляющие один маленький диван..... то есть продолжил традиции древних тюркских суфиев начиная с хаджи Ахмеда Ясави. Он написал воспевания в форме гошмы подражая Юнусу, известному в Азербайджане и у туркменских племен. Сохраняя суфизм от Насими до Хабиби, азербайджанская литература с хатаи опять вошла под влияние Насими» [4, 27-28].

Как можно заметить из отношения выдающегося ученого, Хатаи относится к числу суфийских поэтов, особо упоминаемых в ряду суфийских поэтов не только азербайджанской литературы, но и в контексте общевосточной литературы. Необходимо отметить, что в суфийской поэзии после стадии Насими поэзия Хатаи, будучи системным явлением художественного сознания и хуруфизма, и сектантских

традиций и суфийского образа мышления, составила новый этап. В качестве известной литературной стадии суфийское содержание творчества Хатаи по своим характерным качествам с точки зрения выражения принципов момента и состояния суфизма в истории суфийской литературы относится к проблемам, нуждающихся в специальном научном исследовании системы национальной памяти. Так, как и в творчестве Насими, и в поэзии Хатаи научная концептуальность суфизма составляет основу художественно-поэтического сознания. Разумеется, в это время в более оригинальном стиле охватывая идейно-суфийские взгляды суфийских мыслителей до себя, Хатаи обращает на себя вниманием способностью воплотить суфийскую модель художественных средств выражения:

*Gər mənə nifrin edər düşmə, mən ondan qəm yemən,
Kim münafiqdən gələn qarğış, dua nisbətlidir.
Eşq ilə laf etmə, ey miskin Xatayi, əbsəm ol,
Ki bu mənzildə səlatinlər gəda nisbətlidir [1,102].
(Если меня проклинает враг, я не огорчусь,
Потому что, проклятье врага подобно молитве.
Не насмехайся над любовью, эй жалкий Хатаи, замолчи.
Потому что, на этой стадии султаны подобны холопам)*

Эта завершенность составляя материнскую линию суфийской поэзии, является символической воспевающей божественной связи, что может отобразиться в любовном чуде души и сердца. Обобщая выводы, к которым пришел охватом характерного обобщения представления научной аналитики этих принципов, Ради Фиш, являющийся одним из известных плодотворных исследователей суфийской поэзии, пишет: «Сердечное познание интуитивно. Известно, что его результаты будут паралогическими, будет стремиться к символу, метафоре. Метафоризм же представляет собой объект искусства ... суфизм, будучи идеологическим течением с первого дня своего создания не отделилась от поэзии. Как философская мысль создает общепринятые абстрактные логические категории, в процессе развития суфийская поэзия тоже создала свои образы и метафоры» [5, 247].

Ссылаясь на выводы этого научного анализа, можно отметить, что важную часть творчества составляет Хатаи именно суфийская поэзия завершенного характера. А аскетизм и завершенность вышеотмеченной благовоспитанности в суфийской литературе может считаться более широким метафоризмом. В этом смысле в стихотворениях Хатаи, несмотря на аскетизм, обращает на себя внимание характеристикой внутренней чистоты, могущей обеспечить очистку всего запрещенного.

Как можно заметить, суфийский характер цитат из Корана своими внутренними смысловыми оттенками найдя свое отражение еще задолго до эпохи Хатаи в научных изысканиях суфийских ученых привлекли внимание определенными историческими исследованиями. Так, Фаридаддин Аттар и Шибли, будучи великими учеными в истории суфизма, воспринимались как авторы-философы трактатов о процессе развития от мистицизма до системному суфийскому мировоззрению. Привлекающие внимание в газелях Хатаи основные суфийские архетипы представляют собой также суфийскую ассоциативность первичных смысловых оттенков в научном понимании с художественно-поэтический синтезом. Именно поэтому большинство

ученых, способных проникнуть в изучение суфийских достоинств в творчестве Хатаи, отдавали предпочтение большему сохранению в центре внимания отображений художественно-поэтической суфийской системы в творчестве поэта. Необходимо подчеркнуть и то, что в истории азербайджанской литературы сектантским традициям и суфийской художественности секты, а также то, что творчество Хатаи является источником, на который чаще всего ссылаются востоковеды при воспеванию суфийских нравственных норм. В отличие от азербайджанского хатаиведения, исследования турецких ученых в этом направлении резко отличаются как первичными историческими источниками, так и с точки зрения обширного изучения наследия Хатаи. Так, до нашей диссертации названия таких мемуаров, самых надежных источников хатаиведения, как «Менакибул-есрар» («*Mənakibül – Əsrar*») и «Бехджатул-ахрар» («*Behcätül – Əhrar*»), не упоминаются абсолютно. Так, еще во второе десятилетие двадцатого столетия Фуад Кёрпюлю, повествуя об этом в знаменитой своей работе «Первые суфии в тюркской литературе», пишет: «...единственный экземпляр произведений «Менакибул-есрар» («*Mənakibül – Əsrar*») и «Бехджатул-ахрар» («*Behcätül – Əhrar*») Шаха Исмаила, пишущего под псевдонимом Хатаи, написанного с целью распространения сектантских правил.... это произведение Шах Исмаила, совершенный диван та тюркском которого был найден в Британском музее, до настоящего времени (до 1919-го года – Ш.Б.) не было известно: Это произведение ценно потому что охватывает братство Кызылбашей и историю нашей религии, также является ценным источником для истории литературы, потому что охватывает силлабические стихотворения Кызылбашских поэтов» [6, 282].

Выводы и перспективы. Как можно заметить, суфийские принципы в поэтике Хатаи распространяясь не только из отображений художественного сознания поэта, вместе с тем, его мистико-философского мировоззрения, должна полагаться возникшей из мудрой духовности суфийского содержания в нашей классической литературе одним из самых уникальных поэтических художественных систем.

Литература

1. Хатаи Ш.И. Произведения. I т. – Баку, 1975 (на азерб. языке)
2. Баят Ф. Тюркская суфийская литература. – Баку, 2011 (на азерб. языке)
3. Хатаи Ш.И. Мой саз. – Баку, 1973 (на азерб. языке)
4. Подарок хатаиведению. – Баку, 1998 (на азерб. языке)
5. Фиш Р. Джалаладдин Руми. – Москва, 1972
6. Кёрпюлю Ф. Первые суфии в тюркской литературе. – Анкара, 2001 (на турецком языке)

Бадалов Ш. Суфійські принципи поетики Хатаї / Ш. Бадалов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 329–334.

Азербайджанська класична література по своєму містичному і релігійно - філософському змісту, будучи системою художньо - поетичної свідомості, звертає на себе увагу історичними традиційними рисами в контексті загальносхідної літератури. Насамперед, після впливу релігійно-ісламських цінностей на літературу синтезованими відображеннями цей художній моральний принцип зміг перетворитися на головний лейтмотив ідейно-естетичного змісту літератури диванів. Необхідно взяти до уваги, що суфізм і суфійські погляди, поширюючись, з середини восьмого століття знайшли свій поетичний зміст. Автор зазначає, що суфійські принципи в поезії Хатаї поширюючись не лише з відображень художньої свідомості поета, разом з тим, його мистико-філософського світогляду, повинні

покладатися виниклій з мудрої духовності суфійського змісту в нашій класичній літературі одній з найбільш унікальних поетичних художніх систем.

Ключові слова: суфізм, суфійська література

Badalov Sh. Sufi principles of Khatai's poetics / Sh. Badalov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 329–334.

Azerbaijani classical literature in its mystical and religious- philosophical content, being artistic and poetic system of consciousness, draws attention to the historical context of traditional features in oriental literature. First of all, after the impact of religious and Islamic values to the literature, synthesized maps of this artistic moral principle could become a keynote of the ideological and aesthetic content of Diwan literature. Also should be take into account that Sufism and Sufi views, which began spreading particularly since the middle of the eighth century found their poetic content. Sufism, or Tasawwuf as it is known in the Muslim world, is Islamic mysticism. Non-Muslims often mistake Sufism as a sect of Islam. Sufism is more accurately described as an aspect or dimension of Islam. Being the first researcher of this particular historical period Abul Attah, in his “ al- Zuhdi” («əz - Zühidiyyə»), in one of the diwan poems satisfied with a piece of bread with water in an intimate corner of life in the imperial palace. If you pay attention, not only in the Khatai's Sufi poems content, but also in the life of creative samples and didactic content is indifference to worldly goods manifests itself in the logical context.

The author notes that in the Sufi principles of Khatai's poetics spreading not only maps of the artistic mind of the poet, however, his mystical and philosophical outlook, must rely arising from the wise Sufi spirituality content in our classical literature, one of the most unique poetic art systems. Readers of Sufi poetry for the first time are liable to be amazed, perhaps even repelled, by the extravagant language, by the familiarity with the Deity, by the apparent disregard of all human and Divine laws. But on further examination the wonder of the Sufi's' love for their Beloved shines out with a clear intensity, a beautiful luminous brightness.

Keywords: Sufism, Sufi Literature

Поступила в редакцію 03.03.2014 г.